

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Носов Артём Владимирович

**Сакрализация пространства основателями русских монастырей
в XIV–XV веках**

Специальность 5.6.1 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва – 2023

Диссертация подготовлена на кафедре истории России до начала XIX века исторического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Научный руководитель – **Тарасов Аркадий Евгеньевич**,
кандидат исторических наук

Официальные оппоненты – **Авдеев Александр Григорьевич**,
доктор исторических наук,
ОЧУ ВО «Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет»,
историко-филологический факультет,
кафедра истории России, профессор

Гайденок Павел Иванович,
доктор исторических наук,
ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет», институт гуманитарных и прикладных наук, кафедра исторических наук и архивоведения, профессор

Вершинин Константин Владимирович,
кандидат исторических наук,
ФГБУН «Институт российской истории Российской академии наук», Центр источниковедения истории России, старший научный сотрудник

Защита диссертации состоится «16» октября 2023 года в 14 часов на заседании диссертационного совета МГУ.056.1 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119234, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, ауд. А-419.

E-mail: ot-dissovet@hist.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на портале: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/056.1/2637>

Автореферат разослан «___» _____ 2023 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат исторических наук

О.В. Белоусова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Научная значимость и актуальность темы исследования.

Диссертационное исследование посвящено истории русского монашества в XIV–XV вв., когда на Руси актуализируется стремление к высокому иноческому житию и аскетизму. В это время восстанавливается общежитийный монастырский устав и появляется свыше 300 новых обителей, сыгравших ключевую роль в процессе духовного и хозяйственного освоения Северо-Восточной Руси и Русского Севера. Данный процесс известен как монастырская колонизация, или «монастырское возрождение»¹.

Важным аспектом «монастырского возрождения» является сакрализация окружающего пространства – духовное освоение места отшельнических подвигов преподобных. Данный процесс начинается с момента прихода аскета в пустынное место до появления монастыря, когда возводились церковь, братские кельи и монастырские постройки, обнесенные оградой. Проблема сакрализации окружающего пространства в житиях основателей монастырей XIV–XV вв. не рассматривалась комплексно, а жизнь отшельников до появления монастыря и этапы создания обители все еще слабо изучены.

В житиях основателей монастырей XIV–XV вв. многие агиографы уделяли особое внимание природно-географическим характеристикам места, избранного для иноческих подвигов, и сакрализации пространства. Данные сюжеты раскрывают особенности духовного возрастания преподобных, формируют образ пустынножителя². Выявление воззрений агиографа на событийный и смысловой контекст основания монастыря в житиях

¹ *Флоровский Г., протоиер.* Пути русского богословия. М., 2009. С. 23; *Борисов Н.С.* Русская Церковь в политической борьбе XIV–XV веков. М., 1986. С. 69, 72; *Монашество и монастыри в России. XI–XX века: исторические очерки / Отв. ред. Н.В. Сеницына.* М., 2002. С. 82–83.

² *Кадлубовский А.П.* Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. Варшава, 1902. С. VIII, 161–166.

преподобных представляется важной задачей, поскольку они влияют на последующее житийное повествование, окончательно оформляя образ святого. Это побуждает обратиться к изучению представлений книжников о природно-географических характеристиках места расположения будущего монастыря и его сакрализации в житиях преподобных XIV–XV вв.

Объект и предмет исследования. Объектом изучения является освоение подвижниками места основания обители в эпоху «монастырского возрождения». Предмет исследования – процесс сакрализации пространства в житиях основателей монастырей XIV–XV вв. Под сакрализацией пространства понимается духовное освоение пустынных мест, прежде всего с инфернальной репутацией и отрицательными характеристиками, где отсутствовали не только обители, но и приходские храмы. Данный процесс предполагает создание сакральных объектов (крест, часовня и храм, завершающий сакрализацию), аскетические подвиги отшельника, эпизоды «духовной брани»³ с демонами. Сакрализация подразумевает качественное изменение пространства, его преобразование из места «нечистого»⁴ в святое⁵.

³ В диссертации «духовная брань» рассматривается как неотъемлемый мотив преподобнического жития, подразумевающий борьбу святого с бесами (см.: Руди Т.Р. Пустынножители Древней Руси (из истории агиографической топики) // Русская агиография. СПб., 2011. Т. 2. С. 528), за которой нередко стояли противостояния отшельников язычникам и местным жителям (*Будовниц И.У.* Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV–XVI веках. М., 1966. С. 44, 112, 357–358, 361–362).

⁴ Понятие «нечистое» в данном случае условно, оно не наделяется смыслами народной культуры и не восходит к культуре книжной, а используется в качестве синонима обозначения негативной характеристики места. При этом в историографии известны примеры прямого употребления термина «нечистое» в отношении места (*Успенский Б.А.* Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1996. С. 254; *Рохлина А.М.* Семантика монастырского пространства в житиях севернорусских подвижников 14–15 веков // Человек верующий в культуре Древней Руси. Материалы Международной научной конференции 5–6 декабря 2005 года. СПб., 2005. С. 147–148; *Булычев А.А.* Между святыми и демонами: заметки о посмертной судьбе опальных царя Ивана Грозного. М., 2005. С. 48, 157, 174.

⁵ *Теребихин Н.М.* Сакральная география Русского севера. Архангельск, 1993. С. 35; *Морозов С.В.* Постыжение Соловков. Очерки и материалы. М., 2002. С. 17–18, 29–30, 77, 80; *Кузьмина М.К.* Канон преподобнического жития сквозь призму библейских цитат. М., 2017. С. 137, 167.

Сакрализация предполагает наделение чего-либо сакральным смыслом в результате освящения⁶. Так же и все освященное заведомо наделено подобным смыслом. Следовательно, они синонимичны. Оба понятия известны в историографии, они употребляются и при описании семантики пространственной характеристики⁷. А.М. Лидовым был выдвинут иеротопический подход в изучении «сакрального». Он направлен на изучение «освящения» пространства вокруг имеющихся святынь⁸, а значит, иеротопии предшествует сакрализация пространства, поэтому в данной работе иеротопический подход не развивается. По той же причине не исследуется сакрализация, связанная с посмертным почитанием основателей монастырей⁹.

Хронологические рамки исследования обусловлены временем бурного строительства обителей в период «монастырского возрождения» в XIV–XV вв., во время расцвета русского монашества¹⁰. Нижняя хронологическая граница связана с началом отшельничества Сергия Радонежского в 1337 г., основанием Троицкого монастыря в 1353–1354 гг. Верхняя хронологическая граница определяется тем, что именно на XV в. приходится пик иноческого движения – «золотой век русского монашества»¹¹. Для иллюстрации устойчивых представлений агиографов также требовалось обращение к более ранним и поздним периодам.

⁶ Сакрализация // *Философский энциклопедический словарь*. М., 1983. С. 589; *Шмитт Ж.-К.* Сакральное // *Словарь средневековой культуры* / Под ред. А.Я. Гуревича. М., 2003. С. 446–447; Сакрализация // *Философия: энциклопедический словарь* / Под ред. А.А. Ивина. М., 2006. С. 745; *Левкиевская Е.Е.* Сакральный // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь* / Под ред. Н.И. Толстого. М., 2009. Т. 4. С. 534–535.

⁷ *Теребихин Н.М.* Указ. соч. С. 55–56; *Полетаева Е.А.* «Уход в пустыню» в древнерусской и старообрядческой традиции (на материале севернорусской агиографии и старообрядческих сочинений) // *Уральский сборник. История. Культура. Религия*. Вып. 2. Екатеринбург, 1998. С. 199; *Рохлина А.М.* Указ. соч. С. 148.

⁸ *Лидов А.М.* Иеротопия. Создание сакральных пространств как вид творчества и предмет исторического исследования // *Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси* / Ред.-сост. А.М. Лидов. М., 2006. С. 10–15.

⁹ *Мельник А.Г.* Культы русских святых в конце XIV – XVI веке: социальные аспекты и практики почитания: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2023. С. 3–32.

¹⁰ *Монашество и монастыри в России*. С. 57, 82.

¹¹ Там же. С. 128–129.

Территориальные границы исследования связаны с его объектом и предметом и обусловлены географическим расположением русских монастырей, основанных в XIV–XV вв. преподобными, деятельности которых посвящена диссертация. Они включают территории Московского княжества и Псковской земли в границах конца XV в.

Цель и задачи исследования. Цель исследования – определить и комплексно охарактеризовать представления агиографов о сакрализации пространства. Поставленная цель подразумевает решение следующих задач, в соответствии с которыми построены главы диссертации:

- выяснить, что представлял собой процесс основания монастыря по актовым и агиографическим источникам;
- установить природно-географические характеристики мест поселения подвижников и основания монастырей в агиографии;
- выявить практики¹² сакрализации пространства и особенности их применения согласно житийным повествованиям.

Методологическая основа исследования. В основу диссертации положены принцип историзма, объективности и системности. Изложение выстроено в соответствии с проблемным принципом. Сравнительно-текстологический метод позволяет провести сравнение и сопоставление известных агиографических, летописных, актовых источников, а также библейских текстов и патристики на предмет выявления источников заимствований и устойчивых литературных конструкций. С помощью герменевтического метода возможно толкование житийных известий, а семиотический метод позволяет рассматривать их как знаки, символы и маркеры, характеризующие место основания монастыря и практики его сакрализации. Аспекты церковной истории и монашеских практик изучаются в том числе на основе православной аскетики. Историко-генетический метод

¹² Под практиками сакрализации понимаются не строгие алгоритмы ритуалов, а определенные действия аскетического характера, находящиеся в мистической плоскости, которые, по мнению агиографов, позволяли преподобным освятить избранное место, если это соответствовало Божьей воле.

и системный подход позволяет установить сущность сакрализации пространства и ее развитие.

Исследование сосредоточено на житийных описаниях конкретных сюжетов в житиях пустынножителей – основателей монастырей. Выявление механизмов конструирования житийных мотивов позволяет обнаружить отношение книжников, их окружения к деталям сакрализации. Анализировались как древнейшие редакции житий, наиболее близко отражающие мировоззрение автора, так и последующие редакции памятников, позволяющие увидеть развитие представлений книжников о сакрализации.

Степень изученности темы. Историки преимущественно интересовались прямыми или косвенными упоминаниями исторических свидетельств, на их основе выстраивая хронологию жизни святого и изучая начальную историю монастыря. Филологи же, как правило, занимались рукописной традицией памятников, историей житийных текстов и агиографической топикой. Порой эти интересы пересекались. В дореволюционной историографии агиографические памятники рассматривались преимущественно как исторический источник в позитивистском ключе¹³. Работы второй половины XIX – начала XX вв. заложили основу последующего изучения агиографии¹⁴, они не теряют актуальности и сегодня. Культурологи и отдельные филологи в современной историографии отчасти опирались на житийный материал, касаясь различных аспектов сакрализации. Однако они нередко обходили стороной литературную историю памятников и исторический контекст описываемых событий, а также подкрепляли свои изыскания богатыми фольклорными

¹³ *Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. I–III, 358, 363, 366; *Яхонтов И.А.* Жития св. севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань, 1882. С. 8–10, 332–333.

¹⁴ Важное методологическое значение имеют труды А.П. Кадлубовского, который убедительно показал, что агиографы избирательно включали в жития факты из жизни святых, которые отражали миросозерцание авторов, их окружения и даже преподобных. См.: *Кадлубовский А.П.* Указ. соч. С. 163–168.

источниками, одновременно ориентируясь на символы и смыслы книжной и народной культуры.

Обратимся к рассмотрению концепций сакрализации пространства начиная с природно-географических характеристик места в агиографии. Процесс сакрализации неразрывно связан с местом отшельничества преподобных. Ученые долго не изучали данный вопрос самостоятельно, задавали общий тон восприятия этого аспекта «монастырского возрождения».

В.О. Ключевский отводил важнейшее место природно-географическому фактору в монастырской колонизации, обосновывая общее движение пустынных монастырей на север¹⁵. Впоследствии историки рассматривали именно колонизационный характер иноческого движения¹⁶. К.А. Аверьянов указывает на то, что в действительности монастыри никогда не существовали вдали от поселений. Он полагает, что места для основания монастырей определялись, скорее, политическими и военными факторами¹⁷.

Е.В. Романенко показала, как, согласно житиям, подвижники искали по лесам и болотам подходящую пустынь для основания монастыря. Также исследователь указывает на полярные характеристики различных пространств: неудобство для проживания одних мест и особая красота иных обретенных пустыней¹⁸. М.М. Лоевская пришла к выводу, что эстетическое восприятие природы не было свойственно агиографическим памятникам, поскольку она изображалась в источниках в символическом или назидательном значении¹⁹. А.Е. Тарасов показал, что в агиографии понятие

¹⁵ Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 2. М., 1912. С. 265–266.

¹⁶ Там же. С. 270; Смолич И.К. Русское монашество (988–1917). Жизнь и учение старцев. М., 1999. С. 47; Камкин А.В. Православная церковь на севере России. Вологда, 1992. С. 70–72.

¹⁷ Аверьянов К.А. О местах основания русских монастырей в XIV–XV веках // Поморские чтения по семиотике культуры. Вып. 2. Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера России. Архангельск, 2006. С. 348–350.

¹⁸ Романенко Е.В. Повседневная жизнь русского средневекового монастыря. М., 2002. С. 11, 14–15.

¹⁹ Лоевская М.М. Русская агиография в культурно-историческом контексте переходных эпох: автореф. дис. ... д-ра. культурологии. М., 2005. С. 37.

«место красно» подразумевает пригодность пространства для отшельничества и монастырского строительства. Выявляя признаки негативной характеристики леса, автор пришел к выводу о наличии символической и практической необходимости для аскетов поселяться на берегах водоемов, «относительно свободных от действия бесов»²⁰.

Следующий блок посвящен рассмотрению концепций и подходов к изучению сакрализации пространства как процесса и совокупности практик, к которым прибегали преподобные основатели монастырей XIV–XV вв.

В.Н. Топоров впервые в историографии предложил целостный взгляд на сакрализацию пространства в целом и стал устойчиво использовать это понятие. Он рассмотрел эту проблематику через модель мифа на примере древневосточной, античной и средневековой традиций мифологических, фольклорных и литературных текстов. В.Н. Топоров обосновывал следующую модель. При достижении конечной сакральной цели «герою» повествования было необходимо уничтожить опасности, в том числе злых духов, что и открывало доступ к сакральному центру. Освящение пространства и его ключевых точек достигалось помещением в отмеченных точках сакральных символов – креста или иконы, окончательным сакральным центром мог становиться крест и храм. Познание и освоение места происходило через изгнание злого, деструктивного начала²¹. Также В.Н. Топоров сформулировал идею сакрализации как превращение «чужого» места в «свое»²².

Культуролог Н.М. Терехин на основе изысканий В.Н. Топорова оформил четкую парадигму сакрализации на примере обителей Русского Севера: крест – часовня – храм – монастырь. Она предполагает последовательное возведение этих объектов на месте подвигов отшельника.

²⁰ Тарасов А.Е. Природа, житийная топица и традиционная культура: к вопросу об основании монастырей на Русском Севере // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2020. № 1 (17). С. 203–213.

²¹ Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983. С. 256, 259, 262, 266.

²² Он же. Святость и святые в русской духовной культуре. М., 1995. Т. 1. С. 479–480, 505.

Автор придавал ключевое значение кресту как исходному символу освящения места²³. Данный тезис, восходящий к концепции В.Н. Топорова, получил наибольшее развитие в историографии. В.П. Столяров в статье о сакральных комплексах Соловков подтвердил, что крест зримо и символически обозначал принадлежность пустынных земель к православному миру. Также крест становился орудием борьбы с «нечистой» силой²⁴. Е.А. Рыжова сопоставила агиографические известия о водружении креста преподобными и обосновала значимость и устойчивость данного мотива в житиях²⁵. А.Г. Авдеев рассматривал установку «начального» креста в качестве действительно существовавшей традиции в «русской Фиваиде»²⁶.

Исследователи наиболее часто обращались к эпизодам духовной брани преподобных. Данный интерес слабо проявлялся в дореволюционной и эмигрантской историографии²⁷, но получил свое развитие в работах ряда советских ученых²⁸. В настоящее время вопросы агиографического осмысления борьбы святых с бесами особенно актуальны в историографии.

Начиная с 1990-х гг. исследователи неоднократно писали о негативной семантике Русского Севера как «нечистого» пространства, населенного бесами, язычниками и другими нечестивцами²⁹. Значительное внимание

²³ *Теребихин Н.М.* Указ. соч. С. 56.

²⁴ *Столяров В.П.* Духовно-символическое пространство сакральных комплексов России как объект национального наследия (на примере Соловецкого архипелага) // *Ставрографический сборник*. Кн. 1. М., 2001. С. 118.

²⁵ *Рыжова Е.А.* Сюжетный мотив «поставленне креста на месте основания монастыря» в агиографической традиции Русского Севера // *От Средневековья к Новому времени: сборник статей к 80-летию О.А. Белобровой* / Под ред. М.А. Федотовой. М., 2006. С. 37–58.

²⁶ *Авдеев А.Г.* Еще раз о кресте преподобного Савватия Соловецкого // *Соловецкое море: историко-литературный альманах*. Вып. 8. Архангельск; М., 2009. С. 59; *Он же.* Памятники книжности XVII века из Галичского уезда. Житие преподобного Иакова Железоборовского // *Вестник церковной истории*. 2010. № 3–4 (19–20). С. 119.

²⁷ *Барсов Е.В.* Преподобные обонежские пустынножители. Материалы для истории колонизации и культуры Обонежского края // *Новый олонецкий патерик* / Сост. А.В. Пигин. СПб., 2013. С. 348; *Кадлубовский А.П.* Указ. соч. С. 108–118; *Федотов Г.П.* Святые Древней Руси. М., 1990. С. 61, 145.

²⁸ *Грихин В.А.* Лекции по древнерусской литературе. М., 2017. С. 286; *Борисов Н.С.* Сергей Радонежский. М., 2019. С. 42–43.

²⁹ *Теребихин Н.М.* Указ. соч. С. 8–11, 34; *Макаров Н.А.* Русский Север: таинственное средневековье. М., 1993. С. 7–8; *Руди Т.Р.* Указ. соч. С. 522.

уделялось изучению Соловков. В Средневековье они мыслились центром потустороннего мира и одновременно его границей, где язычники хоронили усопших, что перекликалось с представлением о монахах как о живых, «непогребенных мертвецах», стремившихся к этому загадочному острову в поисках борьбы с бесами, внутреннего преображения и освящения избранного места³⁰. Развивая трактовку феномена «ухода в пустыню», Е.А. Полетаева показала, что ни один пустынный не мог избежать бесовских наваждений, подвизаясь в отшельничестве. Преподобный должен был «освятить молитвой, подвигом воздержания (чистотой) нечистое первоначально пространство (остров, лесной участок), заселенное бесами или диким <...> народом»³¹.

Взгляд Е.В. Романенко на духовную брань затрагивает как природную характеристику места, так и процесс его сакрализации. По Евангелию обиталищем бесов и темных сил были безводные пространства, поэтому пустынножители редко отваживались селиться в такой местности. Но даже в «безопасных» местах подвижникам грозили бесовские наваждения³². Согласно изысканиям М.К. Кузьминой, основание монастыря было заведомо сопряжено с угрозами: бесовские искушения, нападения разбойников и диких зверей. При этом агиографы часто оформляли мотив преобразования «нечистого» пространства в сакральное, освященное молитвой и подвигом преподобного путем противостояния демонам³³.

Итак, в историографии до сих пор нет комплексного исследования, где был бы рассмотрен широкий круг вопросов, связанных с проблематикой сакрализации пространства, как она запечатлена в памятниках русской агиографии, не определен полный круг практик освящения места поселения

³⁰ *Теребихин Н.М.* Указ. соч. С. 33–35; *Морозов С.В.* Постижение Соловков. Очерки и материалы. М., 2002. С. 77, 80–81; *Лаушкин А.В.* Преподобный Савватий и пятисотлетняя традиция соловецкого отшельничества // Соловецкое море: историко-литературный альманах. Вып. 8. Архангельск; М., 2009. С. 67–68; *Митрофан (Баданин), епископ.* Кольский Север в Средние века. СПб., 2017. Т. 2. С. 80–87.

³¹ *Полетаева Е.А.* Указ. соч. С. 199.

³² *Романенко Е.В.* Указ. соч. С. 16–20, 24–25, 30–31.

³³ *Кузьмина М.К.* Указ. соч. С. 147, 161–162.

основателя монастыря в XIV–XV вв. Господствующие представления о сакрализации, восходящие к концепциям В.Н. Топорова и Н.М. Терехина, опираются на единичные житийные примеры, поэтому выявленные концепции требуют внимательной проверки на агиографических источниках и возможной корректировки.

Источниковой базой исследования стал комплекс опубликованных и рукописных житий преподобных основателей монастырей XIV–XV вв., созданных в XV–XVIII в.

Жития XV – первой трети XVI вв. представлены сочинениями как анонимных и малоизвестных книжников³⁴, так и выдающихся агиографов – Епифания Премудрого³⁵ и Пахомия Логофета³⁶. Характерными чертами памятников эпохи служат своеобразие стилей отдельных агиографов, относительная наполненность историческими свидетельствами, отсутствие массового подражания житиям Пахомия Логофета.

Следующий блок житий был составлен в связи с общерусским прославлением сонма святых при митрополите Макарии на соборах 1547 и 1549 гг., а также в течение второй половины XVI в. Многие новые памятники и редакции более древних житий были подчинены официальному агиографическому стилю. Для него характерно поглощение исторических свидетельств общими упрощенными оборотами описательного и

³⁴ Жития Димитрия Прилуцкого, Дионисия Глушицкого и Григория Пельшемского / Под ред. А.С. Герда. СПб., 2003; Житие Арсения Коневского // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2005. Т. 13. С. 154–180; Житие Зосимы и Савватия Соловецких // *Минеева С.В.* Рукописная традиция Жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких (XVI–XVIII вв.). М., 2001. Т. II; *Охотникова В.И.* Псковская агиография XIV–XVII вв.: исследования и тексты. СПб., 2007. Т. 2. Жития преподобных Евфросина Псковского, Саввы Крыпецкого, Никандра Псковского. С. 48–103; Житие Пафнутия Боровского, писанное Вассианом Саниным / Изд. А.П. Кадлубовский. Нежин, 1898. С. 20–52; Житие Павла Обнорского // Жития Павла Обнорского и Сергия Нуромского / Под ред. А.С. Герда. СПб., 2005. С. 69–140.

³⁵ Житие Сергия Радонежского // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1999. Т. 6. С. 254–410.

³⁶ Житие Кирилла Белозерского // Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские / Сост. Г.М. Прохоров. СПб., 1994. С. 50–167; ОР РГБ. Ф. 173.1. № 12 (15). Л. 370–379 (Житие Саввы Вишерского).

риторического характера³⁷. Исследователи отмечали однотипность и шаблонность многих житий макарьевской эпохи³⁸. Однако они чрезвычайно важны для изучения складывания стереотипов книжников, касающихся вопроса, как должно освящаться место будущего монастыря. К тому же не мало житий XVI в. содержат уникальные своеобразные черты, позволяющие судить о локальных особенностях восприятия сакрализации³⁹.

Жития XVII–XVIII вв.⁴⁰ сохраняют тенденции агиографии XVI в., однако сочинения все больше включают свидетельства о своеобразии описываемого места, в котором или близ которого зачастую и создавались жития⁴¹.

³⁷ Дмитриева Р.П. Агиографическая школа митр. Макария (на материале некоторых житий) // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 1993. Т. 48. С. 208–209.

³⁸ Кадлубовский А.П. Указ. соч. С. 220.

³⁹ Житие преподобного Иосифа Волоколамского, составленное Саввою, епископом Крутицким. М., 1886. С. 1–76; Житие преподобного Иосифа Волоколамского, составленное неизвестным. М., 1865. С. 77–152; Житие Кассиана Учемского // Жития Игнатия Вологодского, Игнатия Ломского, Герасима Вологодского и Кассиана Учемского / Под ред. А.С. Герда. СПб., 2008. С. 117–130; ОР РНБ. Ал.-Нев. А-47. Л. 320–353 (Житие Кассиана Учемского); Житие Авраамия Галичского // Дорофеева К.В. Житие преподобного Авраамия Галичского // Вестник церковной истории. 2011. № 1–2 (21–22). С. 15–22, 22–43; ОР РГБ. Ф. 304.1. № 692. Л. 463–478 об. (Житие Макария Калязинского); Житие Макария Унженского // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2005. Т. 13. С. 262–303; ОР РГБ. Ф. 304.1. № 692. Л. 707–728 (Житие Стефана Махрищского); Житие Козьмы Яхренского // Усачев А.С. Житие Козьмы Яхренского // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 1 (43). С. 92–106; Житие Александра Ошевенского // Пигин А.В. Пространная редакция Жития Александра Ошевенского // Русская агиография. Исследования. Материалы. Публикации. Т. 3. СПб., 2017. С. 220–303; Житие Александра Куштского // Святые подвижники и обители Русского Севера: Усть-Шехонский Троицкий, Спасо-Каменный, Дионисьев Глушицкий и Александров Куштский монастыри и их обитатели / Изд. подг. Г.М. Прохоровым и С.А. Семячко. СПб., 2005. С. 245–253; Житие Сергия Нуромского // Жития Павла Обнорского и Сергия Нуромского / Под ред. А.С. Герда. СПб., 2005. С. 143–202; Житие Пахомия Нерехтского // Труды IV областного историко-археологического съезда в г. Костроме в июне 1909 г. Кострома, 1914. С. 10–17; ОР РНБ. Собр. Тит. № 3800. Л. 50–55 (Житие Иакова Железноборовского); Житие Паисия Угличского (Краткая редакция) // Сосновцева Е.Г. Житие Паисия Угличского. Исследование и тексты. М., 2020. С. 174–196, 203–257;

⁴⁰ ОР ГИМ. Увар. № 542. Л. 531–552 (Житие Лазаря Муромского); Житие Ефрема Перекомского // Федотова М.А. К вопросу о Житии Ефрема Перекомского // Книжные центры Древней Руси: севернорусские монастыри. СПб., 2001. С. 161–195; Житие Ионы Климецкого // Пигин А.В. Памятники рукописной книжности Олонецкого края. Петрозаводск, 2010. С. 214–218.

⁴¹ Кадлубовский А.П. Указ. соч. С. 284; Лоевская М.М. Указ. соч. С. 38.

В диссертации рассматриваются два сказания о монастырях (XV–XVI вв.)⁴². Данные источники сочетают в себе черты исторических повестей и житий святых. Для них характерно стремление к достоверности и к тенденциозному агиографическому канону одновременно⁴³.

Помимо агиографии в работе анализируется массив малоизученных актовых источников – храмозданных грамот архиереев XV–XVII вв., благословлявших возведение и освящение монастырских храмов. Их привлечение необходимо для выяснения особенностей санкции иерарха на церковное строительство, что связано с решением вопроса о начальной точке основания монастыря. В исследовании привлекались и другие источники. Среди них византийские и русские агиографические сочинения, уточняющие различные аспекты сакрализации пространства, комплекс античных, византийских и русских источников, отразивших восприятие северной природы их авторами, и ряд других памятников.

Приведенные источники репрезентативны для изучения заявленной темы. При работе с памятниками агиографии использовались методические принципы их изучения: учитывался исторический контекст времени жизни святого и создания жития, его литературная история, взаимоотношение изучаемого текста с другими памятниками, символизм, заложенный агиографом в житии, различные способы реализации топосов в тексте, в том числе подразумевающие изменение его изначального смысла. При соблюдении данных условий жития преподобных основателей монастырей XIV–XV вв. способны дать богатый материал для исследования сакрализации.

Научная новизна. Впервые предпринята попытка комплексного исследования проблематики сакрализации пространства на примере

⁴² Сказание о Спасо-Каменном монастыре // Святые подвижники и обители Русского Севера: Усть-Шехонский Троицкий, Спасо-Каменный, Дионисьев Глушицкий и Александров Куштский монастыри и их обитатели / Изд. подг. Г.М. Прохоровым и С.А. Семячко. СПб., 2005. С. 33–44; Сказание о Валаамском монастыре // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2005. Т. 13. С. 446–474.

⁴³ *Охотина-Линд Н.А.* Сказание о Валаамском монастыре. СПб., 1996. С. 25.

памятников агиографии русского Средневековья. В данной работе решается вопрос о точке отсчета создания монастыря, определяется модель сакрализации и анализируются ее вариации. Материалы диссертации представляют наиболее целостный взгляд на духовное преобразование «чужого», иномирного пространства в святое место, с точки зрения взаимоотношения текста, действительности и представлений агиографа, его «героев» и окружения об этой действительности.

Теоретическая значимость исследования. Результаты исследования существенно дополняют представления как об истории русского монашества, так и об агиографии. Они позволяют увидеть целостную картину процесса духовного освоения места преподобными и основания обители. Предлагаемый подход возможно использовать при дальнейшем изучении монашества как домонгольской Руси, так и XVI–XVII вв., а также при сравнении с иноческими традициями других православных культур Средневековья и раннего Нового времени.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут использоваться при подготовке учебно-методических пособий, общих и специальных учебных курсов по истории России XIV–XV вв. Материалы диссертации будут полезны для экскурсоводческой деятельности в современных монастырях и музеях, связанных с церковной историей и древнерусским наследием.

Достоверность проведенного исследования определяется широтой источниковой базы, включающей в себя весь массив как рукописных, так и опубликованных памятников агиографии XV–XVIII вв., посвященных основателям монастырей XIV–XV вв., комплекс архиерейских грамот XV–XVII вв., а также подборку античных, византийских и русских источников о восприятии северной природы.

Апробация результатов исследования. Настоящая диссертация прошла обсуждение на кафедре истории России до начала XIX века

исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и была рекомендована к защите.

Основные идеи и положения работы изложены в 15 научных работах автора общим объемом 11 п.л., в том числе в 5 публикациях общим объемом 5 п.л. в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по группе специальностей 5.6. – Исторические науки.

Структура диссертации организована в соответствии с проблемно-хронологическим принципом. Работа состоит из введения, четырех глав, разделенных на параграфы, заключения, списка использованных источников и литературы, а также приложения.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Архиерейские грамоты, благословлявшие основание монастыря, практически неизвестны. Вероятно, иерархи благословляли создание обители лишь в устной форме. По храмозданным грамотам монастырские церкви освящались игуменом обители или соборным протопопом, представлявшим иерарха. В подавляющем большинстве житийных источников появление церкви не отождествляется с появлением монастыря, а его основание представляет собой длительный и многосложный процесс. В полном виде он подразумевает собирание братии в месте подвижнической жизни преподобного, получение санкции епископа (устное благословение, храмозданная грамота и антиминос) и прав на земли будущего монастыря (у князей, посадников или бояр), строительство, освящение и украшение церкви, возведение иных построек общежитийного монастыря (трапезная, хлебня, поварня и пр.).

2. Житийные описания природно-географических особенностей места вселения отшельника тесно связаны с сакрализацией и преимущественно содержат негативные характеристики. Они предстают как «нечистые» места, в которых обитают демоны и нечестивцы. Ключевыми маркерами отрицательно воспринимаемого пространства являются движение на север,

суровый климат, необходимость преодоления опасных водных объектов, лесные чащи и непроходимые болота. Агиографы конструировали контрастный образ места в момент до его духовного освоения, чтобы продемонстрировать преобразование пространства в ходе сакрализации из «чужого» в «свое».

3. Восприятие природы и географического положения места в русской агиографии лежит в русле библейских, античных, византийских и древнерусских представлений. Согласно житиям византийских и русских преподобных, пустыни (в случае с Русью – леса) являются обиталищем демонов, с которыми боролись отшельники. Иные житийные характеристики не пересекаются, что обусловлено природно-географическим своеобразием пустынь Северной Африки и Палестины, а также лесов Русского Севера.

4. Общая модель сакрализации пространства представляется следующим образом. На избранном месте отшельники в первую очередь ставили крест и келью (шалаш, хижину). Устойчивость данного мотива и факты сохранения крестов преподобных позволяют воспринимать описание этих практик не только как литературный топос, но и как действительное поведение отшельников, подкрепленное традицией. Подвиги молитвы и воздержания приводят к противостоянию пустынножителей с демонами, в котором преподобные одерживают победу. Лишь после поражения бесов (изгнания сил зла с избранного места) становится возможным основание монастыря. Сакрализация пространства завершается возведением и освящением храма и, как следствие, созданием обители (речь идет о завершении сакрализации необходимой для основания монастыря). Это олицетворяло окончательное преобразование некогда «нечистого» пространства в место святое.

5. Духовная брань имеет ключевое значение в сакрализации пространства. Появление преподобных в пустынных местах и духовное подвижничество в представлениях агиографов мыслились нападением на бесов. Демоны, считавшиеся хозяевами этих мест, принимали человеческий

или звериный облик, чтобы прогнать пустынножителя. Чаще всего духовное противостояние выражалось в испытании страхом физической опасности. Согласно житиям, иноки использовали в качестве оружия для борьбы с бесами крест и молитвы (Иисусова, молитвы из стихов различных псалмов). Агиографы рассматривали конфликты святых с разбойниками, язычниками и местными жителями исключительно сквозь призму духовной брани с бесами. Наиболее выразительна борьба с язычниками, которые мыслились бесопоклонниками. Отсюда в агиографии практически полностью отсутствуют сведения о миссионерской деятельности преподобных XIV–XV вв.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** дается обоснование актуальности темы исследования, определяются объект и предмет работы, формулируются ее цель и задачи, указываются хронологические рамки и территориальные границы, раскрывается методология, оценивается степень изученности рассматриваемых проблем, анализируется и систематизируется источниковая база исследования, характеризуется научная новизна и практическая значимость диссертации, дается информация об апробации и приводятся положения, выносимые на защиту.

Первая глава – «Основание монастырей XIV–XV вв. по данным храмозданных грамот и агиографии» – призвана ответить на вопрос, что представлял собой процесс основания монастыря по актовым и агиографическим источникам.

В **первом параграфе** – «Историографический аспект создания обители» – рассмотрены актуальные данные историографии по вопросу основания средневекового монастыря.

Во **втором параграфе** – «Основание нового монастыря по архиерейским грамотам» – анализируются грамоты иерархов,

благословлявшие монастырское строительство. С оговорками к ним можно отнести грамоту митрополита Фотия Павлу Обнорскому (около 1414 г.), не сохранившиеся грамоты 1554 г. Ивана IV и митрополита Макария Феодосию Тотемскому и грамоту 1653 г. патриарха Никона об основании Иверского монастыря. Появление обители становилось возможным при наличии братии, материальных средств, санкции архиерея, храма и ряда других построек.

В третьем параграфе – «Храмозданные грамоты XVI–XVII вв.» – исследуются архиерейские храмозданные грамоты, санкционировавшие возведение и освящение новой церкви. Рассмотрены неизвестные в историографии и малоизученные акты. Анализируются особенности их формуляра, предположительно восходящего к грамоте свт. Фотия или другому аналогичному акту. Согласно грамотам, освятить церковь мог основатель монастыря или соборный протопоп, представлявший епископа. Акты регламентировали детали строительства и чина освящения храма.

В четвертом параграфе – «Памятники агиографии о появлении обители» – показано, что Житие Ферапонта Белозерского, лежащее в основе концепции М.С. Серебряковой, не связывает появление монастыря не только с возведением храма, но и с собиранием братии и поставлением игумена, поэтому представляет собой сложный процесс.

В пятом параграфе – «Порядок действий и комплекс построек как признак основания монастыря» – доказывается, что в подавляющем большинстве житий основателей монастырей XIV–XV вв. появление церкви не отождествляется с возникновением монастыря, а его основание представляет собой длительный и многосложный процесс. В полном виде он подразумевает собирание братии в месте подвижнической жизни преподобного, получение санкции епископа и прав на земли будущего монастыря у вотчинников, строительство, освящение и украшение церкви, возведение иных построек общежитийного монастыря.

В шестом параграфе – «Возведение храма как признак основания монастыря» – разбираются малочисленные случаи соотнесения создания

храма с основанием монастыря. Данные свидетельства не восходят к определенной агиографической традиции (будь то региональная литературная «школа» или устоявшийся мотив-топос).

В седьмом параграфе – «Возведение церкви до появления монастыря» – рассмотрены исключительные житийные свидетельства, по которым церковь появлялась задолго до основания монастыря. При этом агиографы не отождествляли возведение церкви с появлением обители.

Во второй главе – «Природно-географические характеристики места расположения будущего монастыря» – устанавливаются топографические признаки мест поселения подвижников и основания монастырей в русской агиографии.

В первом параграфе – «“Место ужасное”. Движение на север в восточнохристианской письменной традиции» – показано, что восприятие природных характеристик в русской агиографии лежит в русле библейских, античных, византийских и древнерусских представлений. В византийских и русских житиях образы восточной пустыни и северного леса синонимичны – это удаленное безлюдное место, тяжело поддающееся освоению, оно является обиталищем демонов, с которыми боролись отшельники. Это связывает восприятие природы с сакрализацией. Иные характеристики места не пересекаются, что обусловлено объективными природными различиями пустынь и лесов.

Второй – «Движение на север в житиях основателей монастырей XIV–XV вв.», – **третий** – «Северный климат, холод», – **четвертый** – «Леса и болота», – **пятый** – «Острова» – и **шестой параграфы** – «“Место скудно”» – посвящены выявлению и анализу негативных характеристик места, соотносимых с процессом сакрализации, включенных в большинство житий. В представлениях агиографов избранные места зачастую мыслились «нечистыми», в них обитали демоны и нечестивцы. Ключевыми отрицательными маркерами являются движение на север, соотносимое с приближением к аду, суровый климат, лесные чащи и непроходимые болота.

Наиболее ярко они проступают в житиях северных подвижников (Лазаря Муромского, Арсения Коневского, Зосимы и Савватия Соловецких, Дмитрия Прилуцкого, Дионисия Глушицкого, Григория Пельшемского, Александра Ошевенского, Стефана Махрицкого, Сергия Нуромского), в которых развиты сюжеты духовной брани (исключение составляет Житие Дионисия Глушицкого, в котором борьба с демонами описывается уже после основания монастыря). Негативными чертами наделялись и острова; там были заметны недавно угасшие или действующие языческие культы, которые низвергались пустынноиками (Соловки, Коневец, Валаам, Муромский остров). Однако семантика острова не является предметом специальных размышлений агиографов, она раскрывается в контексте описания природы и противостояния демонам.

В седьмом параграфе – «“Место красно” (красивое и удобное)» – выявляются смешанные характеристики места, когда книжники именовали его «красным», подчеркивали его удобность для монастырского строительства, но следом «насыщали» место негативными признаками, описывая нечестивцев и бесов, досаждавших отшельнику. Подобные конструкции отражают ретроспективный взгляд агиографа на духовные подвиги своего героя из процветающего монастыря, место расположения которого в своем историческом моменте красиво и прекрасно, а сама обитель является благодатным плодом следования божественной воле. В житиях создавался контрастный образ места до начала его духовного освоения, чтобы более ярко показать преобразование «чужого» пространства в «свое» в ходе его сакрализации.

В восьмом параграфе – «Вода в природно-географических характеристиках» – рассматривается двойственное восприятие воды в агиографии: как сакральное, так и «нечистое». Негативным маркером места является необходимость преодоления опасных водных объектов.

В **третьей главе** – «Практики сакрализации пространства: начало» – выявляются начальные практики сакрализации пространства, описываемые в агиографии во время прихода преподобного на место пустынножительства.

Первый параграф – «Сакрализация пространства: житийные “цитаты вселения” и топос “глас–свет”» – представляет собой обзор агиографических мотивов вселения в пустыню. Использование «цитат вселения» из Псалтири обусловлено упоминанием бегства монахов из мира в пустыню, где они обретали покой. Также в житиях распространены различные знамения, указывающие на место отшельничества.

Во **втором параграфе** – «Начало сакрализации: крест, келья, часовня» – приводится обоснование начальных практик сакрализации, в основе которых лежит водружение креста, преображающего «нечистые» места.

В **третьем параграфе** – «Крест и келья» – анализируются свидетельства о возведении креста в начале сакрализации, присутствующие в подавляющем большинстве памятников. Они представляют собой устойчивый мотив и отражают действительное поведение отшельников, подкрепленное традицией.

В **четвертом параграфе** – «Часовня» – рассматриваются редко встречающиеся известия о создании часовен. Их наличие не являлось обязательным условием продолжения сакрализации, поскольку отшельники могли совершать суточный круг богослужений в келье. Также показано значение явленных и принесенных преподобными икон.

В **четвертой главе** – «Кульминация и завершение сакрализации пространства» – определяются особенности практик сакрализации в ходе кульминации и завершения этого процесса.

В **первом** – «Духовная брань преподобных с демонами», – **втором** – «“Диаволь очивѣсть вниде съ множеством вой бѣсовскихъ”»: борьба с демонами в антропоморфном обличии», – **третьем** – «“Превращаяся <...> дѣмонъ во звѣрское видѣние”»: борьба с демонами в зооморфном обличии», – **четвертом параграфах** – «“Невидимыя брани <...> дѣмоньскаа страхованиа”»: борьба с обезличенными демонами» – разбираются общие и частные

особенности житийных мотивов противостояния отшельников бесам. Демоны стремились изгнать пустынников из мест своего обитания, пытаясь утратить их реалистичными образами людей и животных. Значительно реже бесы опосредованно пакостили отшельникам. Преподобные использовали молитвы и силу креста в качестве оружия и побеждали в духовной борьбе. По представлениям агиографов, создание монастыря становилось возможным только в результате очищения места от влияния демонов.

В пятом параграфе – «Борьба с демонами после основания монастыря» – изучаются эпизоды духовной брани, встречающиеся в житиях после описания монастырского строительства. Они встречаются нечасто, а брань имеет характер личной борьбы с искушениями и наваждениями, поскольку отныне бесы не называют освященное место своим и не норовят изгнать преподобного (кроме Жития Дионисия Глушицкого).

В шестом параграфе – «Духовная брань преподобных с людьми. “Бесодохновенная корьла”: противостояние язычникам» – анализируются многочисленные известия о борьбе пустынников с язычниками. Агиографы воспринимают их беспоклонниками и наделяют негативными характеристиками, выражающимися в особой этноконфессиональной лексике. Показано, что противостояние язычникам мыслится в житиях одним из вариантов духовной брани. Это обусловило практически полное отсутствие сведений о миссионерской деятельности преподобных XIV–XV вв.

В седьмом параграфе – «“Научиша сатана злыхъ человекъ”»: противостояние окрестному населению и разбойникам» – рассматриваются житийные свидетельства, в которых местное население или разбойники, наученные дьяволом, стремятся изгнать, ограбить или убить отшельника, поэтому агиографы описывают эти конфликты сквозь призму духовной брани.

Восьмой параграф – «Завершение: появление храма и монастыря» – рассказывает о признаках завершения сакрализации в связи с созданием церкви и обители. Среди них выделяются значение литургии и евхаристии в жизни нового монастыря, визионерские сюжеты, черты расширения и

процветания обители и чудеса об изобилии необходимого, свидетельствующие о богоизбранности места и его преобразении. Окончание сакрализации необходимой для основания монастыря не означало ее завершения в широком смысле. Появление в обители реликвий, обретение и почитание мощей основателя повышало сакральный статус места.

В заключении подводятся итоги исследования. Большая часть рассмотренных памятников русской агиографии содержит свидетельства о сакрализации «нечистого» пространства с момента вселения преподобного в «пустыню» до устройства монастыря. В житиях возведение церкви крайне редко отождествлялось с появлением монастыря, а его основание являло собой долгий и сложный процесс. В природно-географических описаниях места до его духовного освоения преобладали негативные и смешанные характеристики, что свидетельствует в пользу амбивалентного восприятия книжниками изначально благой природы, но впоследствии оскверненной беспоклонниками, а потому нуждающейся в очищении. Удалось сформулировать общую модель сакрализации, где ключевую роль играла духовная брань.

Для агиографов сакрализация была живым нервом современной духовной жизни, поскольку во время создания житий новые поколения подвижников так же стремились в места с инфернальной репутацией. Поэтому в отдельных случаях житийные примеры сакрализации можно рассматривать не только как описание действительных практик русских аскетов позднего Средневековья, но и как отражение своеобразия мировоззрения каждого агиографа.

Основные положения и выводы диссертации отражены в следующих публикациях:

Публикации в рецензируемых научных изданиях, индексируемых в базах данных Web of Science, Scopus, RSCI и в изданиях, рекомендованных

для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по группе специальностей 5.6. – Исторические науки:

1. *Носов А.В.* Малоизученный список Летописца Солигаличского Воскресенского монастыря // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2021. № 100. С. 165–184 (1,25 п.л.). (RSCI, ИФ РИНЦ – 0,33).

2. *Носов А.В.* «Духовная брань» преподобных XIV–XV вв. в ходе сакрализации пространства // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2022. № 1. С. 3–21 (1,2 п.л.). (RSCI, ИФ РИНЦ – 0,23).

3. *Носов А.В.* К вопросу об изучении монашеской традиции Сергия Радонежского // Человеческий капитал. 2022. № 12 (168). С. 68–75 (0,5 п.л.). (ИФ РИНЦ – 0,228).

4. *Носов А.В.* Об одном аспекте основания русских монастырей в XIV–XV вв. // Человеческий капитал. 2023. № 2 (170). С. 19–26 (0,5 п.л.). (ИФ РИНЦ – 0,228).

5. *Носов А.В.* Природно-географические характеристики места расположения будущего монастыря в житиях преподобных XIV–XV вв. в контексте сакрализации пространства // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2023. № 3 (93). С. 29–47 (1,5 п.л.). (Web of Science, JCI – 1,16).

Другие публикации по теме диссертации:

6. *Носов А.В.* О некоторых особенностях монашеской традиции преп. Сергия Радонежского // Историческое обозрение. 2018. Т. 19. С. 61–63 (0,2 п.л.).

7. *Носов А.В.* Основатели монастырей и практики сакрализации пространства Русского Севера в конце XIV – первой четверти XV вв. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Выпуск 6: Шестые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 21–22 ноября 2019 г. М., 2019. С. 55–59 (0,25 п.л.).

8. *Носов А.В.* Вторая редакция жития прп. Авраамия Галичского: к вопросу о внесенных изменениях в текст первой редакции // Язык, книга и традиционная культура позднего русского средневековья в науке, музейной и библиотечной работе. Труды IV Международной научной конференции. М., 2019. С. 254–260 (0,5 п.л.).

9. *Носов А.В.* Начальная история монастыря прп. Арсения Коневского и Святая Гора Афон // *Novogardia*. 2019. № 4. С. 148–161 (0,9 п.л.).

10. *Носов А.В.* Уваровская редакция Жития Лазаря Муромского и начальный процесс сакрализации Обонежья в середине XIV века // Чтения памяти И.И. Кузнецова. Материалы Всероссийской конференции 12–13 ноября 2019 г. М., 2020. С. 73–81 (0,6 п.л.).

11. *Носов А.В.* Формирование сакральной топографии Муромского острова во второй половине XIV в. по Житию Лазаря Муромского // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2020. № 1 (17). С. 161–183 (1,5 п.л.).

12. *Носов А.В.* Кирилл Белозерский в Симоновом монастыре: штрихи к биографии святого // Восстанет цесарь в опустевшей земле: люди, время и пространство русской истории. К 70-летию профессора Н.С. Борисова. СПб., 2020. С. 80–88 (0,6 п.л.).

13. *Носов А.В.* К вопросу о взаимосвязи природной и сакральной характеристики Соловков в Житии Зосимы и Савватия Соловецких // Поморские чтения – III. Сборник материалов. Мезень; Архангельск, 2021. С. 77–85 (0,6 п.л.).

14. *Носов А.В.* Жития Дионисия Глушицкого и Григория Пельшемского об основании новых монастырей // История и культура Ростовской земли. 2020. Ростов, 2021. С. 151–158 (0,5 п.л.).

15. *Носов А.В.* Агиографы XV–XVII вв. об участии новгородских посадников в основании общежительных монастырей // Материалы IV Научных чтений памяти профессора В.А. Плугина. История России, русской культуры и русской церкви в IX–XVIII столетиях. М., 2022. С. 50–57 (0,5 п.л.).